

Глава 20

— Похоже, семья Ланс проявляет живой интерес к моим делам, — холодно произнёс Андре. — Раз у вас столько свободного времени, полагаю, все обстоятельства инцидента на Звезде Соцы уже расследованы.

Молодой Ланс отступил на шаг, напуганный ледяной яростью в его глазах. Он уже было собрался возразить, но, увидев тех, кто стоял за спиной маршала, тут же прикусил язык.

— Маршал, с того происшествия прошёл уже год, — заискивающе пробормотал глава семьи Ланс.

— Если у капитана Ланса нет времени на воспитание отпрысков, то на расследование нераскрытых дел оно точно найдётся.

Андре с обманчивой доверительностью похлопал главу семьи по плечу. Ощувив под ладонью знакомый предмет, он добавил:

— Эта нашивка устарела. Замените её на ту, что с двумя звёздами.

— Маршал! Вы не можете вот так, без всякой причины... — Глава семьи Ланс едва не зарыдал. Его глаза покраснели, но он не смел выказать и тени гнева.

Собравшись с силами, он процедил сквозь зубы:

— Семья Ланс проявила неуважение к маршалу. Понижение в звании — справедливое наказание. Я сам подам рапорт в Военное ведомство.

Гойя, до этого с интересом наблюдавший за сценой, наконец поставил бокал и рассмеялся.

— Радуйтесь, что вы на Столичной звезде. Будь это в военном округе, завтра над вашим домом уже кружили бы дисковые бомбы.

Он обвёл зал взглядом и с удивлением заметил:

— Здесь такое землетрясение, а госпожи Ланкастер что-то не видно.

Атмосфера на танцполе застыла, но пара в масках продолжала свой страстный поцелуй.

Лишь когда на кончике языка появился солоноватый привкус, он остановился.

Перед ним стоял Чжун Цин, его лицо было залито слезами.

Чжун Цин протянул руку, чтобы снять маску с лица незнакомца, но в последний момент его охватил страх. Он уже было отдернул руку, но тот перехватил её и вместе с ним снял маску.

Это был Янь Цзи.

С того самого момента, как он принял приглашение Росмонда, Чжун Цин перебрал в уме множество вариантов развития событий, но только не этот. Он никак не ожидал встретить здесь воскресшего из мёртвых Янь Цзи. Альфа и бета, Улей инсектоидов и Столичная звезда — эти два мира казались абсолютно несовместимыми.

Но они сошлись воедино.

За эти несколько коротких секунд Чжун Цин сумел изобразить всю гамму чувств, которымфейри мог научиться в мире людей.

В его тёмных зрачках, подёрнутых влагой, смешались радость и стыд, унижение и горечь, невысказанный упрёк... Словно тысячи слов рвались наружу, но ни одно из них не могло ничего объяснить.

Сердце Янь Цзи растаяло от этого взгляда. Он обнял Чжун Цина за талию, желая снова прижать его к себе.

Именно в этот момент раздался голос Гойи, сопровождаемый шелестом листвы.

— А вот где наша госпожа. Неужели вы встретили родственную душу и решили уединиться для беседы?

Рука Чжун Цина сжалась. Янь Цзи мягко погладил его по тыльной стороне ладони и обернулся.

— А, так это маршал Янь Цзи, — с притворным удивлением произнёс Гойя.

Увидев его лицо, толпа взорвалась возгласами изумления. Забыв о приличиях, гости начали перешёптываться.

Бесчисленные взгляды устремились на Андре. Тот стоял с каменным лицом, непроницаемый, как скала. От былой лёгкости и веселья, царивших в начале вечера, не осталось и следа.

— Иди сюда.

Эти слова уже вызывали у Чжун Цина условный рефлекс. Он инстинктивно шагнул было вперёд, но Янь Цзи крепко удержал его.

— Андре, следи за тоном. Он мой супруг.

— Твой? — Андре презрительно усмехнулся, хотя это больше походило на нервный тик. — Воскресшее из мёртвых существо, которое неизвестно, человек или инсектоид?

Эти слова вызвали новую волну испуганных возгласов.

Гойя шагнул вперёд, встав между ними и преграждая путь их враждебным взглядам. Он развёл руки, призывая толпу к тишине.

— Прошу всех сохранять спокойствие. В первый же день, как мы нашли маршала Янь Цзи, мы провели полное обследование. Он — нормальный человек, альфа, в нём нет никаких паразитов. Маршалу Янь Цзи чудом удалось выжить, и мы должны его поздравить, но...

Он перевёл взгляд на Чжун Цина.

— Ситуация действительно щекотливая. Долг омеги — верность, и у одного омеги не может быть двух мужей.

Янь Цзи плотно заслонил собой Чжун Цина и холодно произнёс:

— Никогда и не было двух мужей. Клятва, данная под звёздами, действует лишь раз для одного и того же человека. Брак Андре недействителен.

Андре молчал, глядя на Янь Цзи так, словно перед ним был покойник.

Два года назад, на том звездолёте, он, в сущности, ничего не сделал. Лишь из ревности не пришёл на помощь Янь Цзи, когда тот попал в беду. Но сейчас он действительно хотел его убить.

— Раз ни одна из сторон не желает уступать, придётся спросить... — Гойя обвёл взглядом Чжун Цина, а затем обратился к толпе. — Придётся спросить у главного судьи.

Из толпы вышел пожилой бета. Он погладил значок в виде астроябии на груди и громко произнёс:

— Господин спикер, согласно законам Альянса, для альф и омег действует принцип моногамии. Поскольку маршал Янь Цзи жив, его брак с госпожой Ланкастер остаётся в силе. Любые

другие брачные союзы, заключённые сторонами, считаются недействительными.

Янь Цзи обернулся к Чжун Цину и мягко улыбнулся, ещё крепче сжав их переплетённые пальцы.

— Главный судья, похоже, забыл, — ледяным тоном произнёс Андре, — что есть ещё один, самый важный критерий для определения действительности брака между альфой и омегой — совместимость феромонов.

Его лицо было холодным, но в голосе сквозила злоба.

— Янь Цзи, осмелишься снять блокатор?

Янь Цзи не двигался.

Лишь после настойчивого шёпота судьи он с сомнением сорвал пластырь с железа на шее.

В тот самый миг, как в воздухе разлился аромат роз, Чжун Цина резко отшатнулся, отталкивая его руку. Лицо исказилось, он зажал рот, с трудом подавляя приступ тошноты.

Чжун Цин не смел поднять глаза на Янь Цзи.

Даже он был поражён силой феромонов двойного S-класса Андре. Всего один уровень разницы, а какие перемены! Некогда такой знакомый и желанный аромат при новой встрече вызывал у него отвращение.

В зале воцарилась гробовая тишина. Очевидно, никто из присутствующих аристократов не ожидал такого поворота событий.

Наконец, Гойя нарушил молчание:

— Похоже, госпожа Ланкастер останется госпожой Ланкастер.

Вечер закончился скомканно.

Гости разошлись, но Янь Цзи остался на месте, глядя, как Андре уводит Чжун Цина.

Чжун Цин, ослабевший от приступа тошноты, всю дорогу опирался на Андре. Лишь оказавшись

в летательном аппарате, он отстранился, собрав последние силы.

— Янь Цзи наверняка действует под давлением Росмонда. Андре, ты можешь ему помочь?

Андре провёл рукой по его встревоженному лицу.

— Это всё, что ты хочешь сказать? Почему ты не спросишь меня о деле Ланса?

— Я верю тебе, — поспешно ответил Чжун Цин. — Что бы он ни говорил, я не приму это всерьёз. Я вижу его злые намерения.

Однако его слова не принесли Андре утешения. Его лицо стало мрачнее тучи. Даже в те дни перед свадьбой, когда Чжун Цин несколько раз пытался уйти, он не выглядел таким устрашающим.

— Я могу ему помочь, если ты сделаешь одну вещь.

— Что?

Андре наклонился и прошептал ему на ухо несколько слов.

— Откуда ты знаешь? — потрясённо выдохнул Чжун Цин.

Андре молчал, не сводя с него глаз.

Чжун Цин вспомнил о взрыве в научно-исследовательском институте перед их отъездом из военного округа Ноэн и догадался.

— Они отдали тебе запись... — его голос дрогнул. — Что ещё ты знаешь?

На той записи был запечатлён момент, когда Чжун Цин, подчинив себе Янь Цзи, поставил ему полную метку.

Да, именно «подчинив». Во всех смыслах.

Только теперь он понял, почему ночами Андре был так ненасытен — он жаждал его инициативы.

— Я знаю все секреты того института. Если Ной так навредил тебе, почему ты всё ещё думаешь только о нём?

Сердце Чжун Цина заколотилось, но, услышав последнюю фразу, он с облегчением выдохнул.

Похоже, Андре, хоть и знал о Ное, но о Цзинвэй ещё не догадывался. Значит, он, скорее всего, не знал и о том, что они с Янь Цзи оба — биороботы, носители паразитов. Выходило, что запись — это дело рук Гойи. После бесследного исчезновения доктора Рассела именно он вёл все дела.

Хм, подлый Росмонд.

В душе Чжун Цина зародилось чувство тревоги: возвращённый диктофон, воскресший Янь Цзи... Всё это выглядело как намеренная провокация, чтобы вывести Андре из себя. Но зачем?

Рука Андре на его талии сжималась всё крепче. Чжун Цин по его взгляду понял, чего он хочет.

Он высвободился из его объятий и, опустив глаза, тихо отказал:

— Прости, Андре. Я не могу.

В последнее время в доме Ланкастеров царил ледяная атмосфера.

Андре внезапно стал невероятно занят. Возвращение Янь Цзи доставило ему немало хлопот. Одно только то, что бригада К6 настаивала на возвращении своего прежнего командира, отнимало у него всё время.

Но как бы он ни был занят, он каждый день возвращался домой, заключал Чжун Цина в объятия, подчинял себе и в мельчайших, даже преувеличенных деталях описывал каждую свою атаку на Янь Цзи. И в конце, снова и снова, неустанно повторял свою просьбу.

Ответом Чжун Цина каждый раз было лишь покрасневшее от слёз лицо и тихое «нет».

Ночью они были самыми близкими любовниками, а днём — незнакомцами, живущими в параллельных мирах. Днём Чжун Цин почти не видел Андре, лишь охрану, расставленную в каждом углу.

Это немного напоминало те дни, когда он был под домашним арестом.

Чжун Цин с каким-то отстранённым интересом наблюдал за происходящим за окном.

После того как Андре ясно дал понять, что не принимает гостей, за этот месяц у ворот дома Ланкастеров подвернули ногу уже шесть омег.

Предлог был трусливым и неоригинальным. Охрана просто прогоняла их, не обращая внимания на то, что это были особы из знатных семей.

Но сегодняшний гость был другим.

Молодая омега, стоявшая у ворот, смело заявила, что хочет посетить библиотеку дома Ланкастеров. Чжун Цин, восхищённый её неприкрытыми амбициями, велел охране впустить её.

Всё это было последствиями того злополучного маскарада.

На следующий день после того, как молодой Ланс позволил себе дерзость, его семья заставила его перед камерами зачитать трёхтысячное покаянное письмо. Его слёзы и рыдания транслировались на всех сайтах Альянса, и он опозорился на весь мир.

Но в глазах аристократии и другой участник конфликта не вышел победителем.

«...Я не должен был нападать на госпожу Ланкастер, затрагивая его физическое состояние и моральные качества. Я должен был проявить сочувствие и пожелать ему всего наилучшего, зная о его бесплодии и тяжёлой болезни, а не осыпать его злобными проклятиями. Я должен был сокрушаться о превратностях судьбы, видя его невольное двоемужество, а не винить его во всём... Брак — дело добровольное. Хотя семьи Ланкастер и Ланс традиционно заключали брачные союзы, мы должны уважать волю каждого. Точно так же, как маршал Янь Цзи, брошенный в этом браке, сделал свой собственный выбор. Этот легендарный союз аристократа и простолюдина, который расцвёл, но не успел принести плодов, должен быть воспет всеми...»

Каждое слово в трансляции звучало искренне, но каждое было ловушкой.

С того дня весь Альянс знал, что брак маршала Ланкастера был фикцией.

Его супруг был не только бесплодным, смертельно больным пациентом, но и грешником, посмевающим вступить в повторный брак и бросить своего первого мужа. А несчастные маршалы Янь Цзи и Ланкастер были одурачены этим безнравственным простолюдином.

Наверняка и в доме Янь Цзи теперь не было отбоя от подобных визитов — если уж бесплодный, бросивший мужа простолюдин-омега смог покорить их, то почему не сможет кто-то другой?

Но сегодняшний гость была очень милой девушкой. Отведав приготовленные для неё Чжун Цином пирожные, она провела с ним в библиотеке до самого вечера.

Она не только взяла несколько книг по военной истории, которые он ей порекомендовал, но и на прощание прошептала ему на ухо:

— Если бы я могла выйти замуж за вас.

Чжун Цин рассмеялся и завернул ей с собой ещё порцию пирожных.

Вскоре после её ухода он услышал звук приземляющегося летательного аппарата. Андре вернулся на удивление рано, но просто стоял и молчал.

Чжун Цин знал, что он злится, и знал, что он ждёт, когда его начнут успокаивать, но медлил.

Он неторопливо выбрал пирожные, упаковал их и велел охране отвезти госпоже Капе. В тот вечер на балу, после того как судья объявил наказание молодому Лансу, все аристократы ждали, чем закончится это представление, и лишь эта дама с тревогой высказала свои сомнения. Он, конечно, должен был её отблагодарить.

Убрав со стола, Чжун Цин наконец поставил перед Андре стакан тёплого молока.

— Ложись спать пораньше.

В последующие дни Андре стал проводить дома гораздо больше времени. Он установил строжайшую охрану, не позволяя ни одному незнакомцу переступить порог дома. Чжун Цин даже начал сомневаться: неужели у биороботов проблемы с гендерной идентификацией? Почему он ревнует и к бетам, и к омегам?

Когда та девушка пришла снова, чтобы вернуть книги, Андре не дал Чжун Цину возможности пригласить её войти, а просто велел охране выпроводить её.

Чжун Цин с досадой проводил её взглядом из окна и уже собирался подняться наверх, как Андре схватил его за запястье.

— Она выбрала именно это время, чтобы взять книги, и именно это время, чтобы их вернуть. Ты действительно не понимаешь, почему?

Чжун Цин усмехнулся, пытаясь высвободить руку.

— Это же так по-человечески. Зачем быть таким строгим?

Андре не отпускал.

— Ты совсем не злишься?

Вырваться не получалось, и Чжун Цин оставил попытки.

— Столько людей любят маршала. Я могу только радоваться.

— А если бы так помогались Янь Цзи, ты бы тоже радовался?

Чжун Цин замер.

Имя Янь Цзи не было запретной темой между ними, но Андре впервые так открыто сравнил себя с ним.

Раньше он всегда говорил о Янь Цзи с презрением и пренебрежением, словно они никогда не были боевыми товарищами, готовыми отдать жизнь друг за друга.

<http://bllate.org/book/16114/1585297>